

Марцинковская Т.Д. Густав Густавович Шпет – жизнь как проблема творчества

English version: [Martsinkovskaya T.D. Gustav Gustavovich Shpet – life as a creativity problem](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)
[Ссылка для цитирования](#)

В статье представлен жизненный путь Г.Г.Шпета, дается анализ его основных трудов, раскрывается значение его творчества как для науки первой трети XX века, так и для современного гуманитарного знания.

Ключевые слова: методология, внутренняя форма слова и художественного произведения, герменевтика, эстетика, междисциплинарность, научная школа, Густав Шпет

В последнее время имя Г.Г.Шпета выходит из тени забвения, привлекая к себе внимание ученых различных направлений: психологов, философов, лингвистов. Это заслуженное, хотя и запоздавшее признание требует особого внимания и ответственности при осмыслении его творческого наследия и его роли в отечественной науке.

Большой интерес вызывают как его научное наследие, так и события его жизни, его биография, которая тесно переплелась в наших глазах с произведениями Шпета и сама по себе стала фактом творчества не только самого Шпета, но и его исследователей. О таком слиянии фактов биографии с написанными научными или художественными произведениями, слиянии реальной личности творца (ученого, писателя, художника) с тем образом, который создается в его произведениях, писал и сам Шпет. В одной из своих статей он утверждал, что читатели не могут и не хотят дифференцировать этот образ от фантазий, переживаний, искажений, которые были привнесены как произведениями автора, его воображением, так и воображением его близких, его современников, настаивая на том, что это и есть истинное лицо творца. Жизнь Шпета, богатая драматическими событиями, дружбой с известными людьми, острыми публицистическими статьями, выступлениями, дает большой материал для формирования такого образа.

Г.Г.Шпет родился в 1879 году в городе Киеве. Окончив 2-ю киевскую гимназию, он в 1898 году поступает на физико-математический факультет Киевского университета св. Владимира. Однако в университете он увлекается психологией, и новые интересы приводят его к мысли о переводе на историко-филологический факультет, к которому, по традиции того времени, были приписаны и кафедры философии и психологии. Он был одним из последних отечественных психологов, получивших классическое психологическое и философское образование и прошедших школу у известных ученых, стоявших у истоков российской психологии, так как в то время профессорами Киевского университета были Е.Н.Трубецкой и Г.И.Челпанов. И Трубецкой, и, особенно, Челпанов, были энтузиастами новой, только формирующейся в то время объективной, экспериментальной психологии. Совместно с Гротом, Лопатиным и Соловьевым они были издателями и сотрудниками журнала «Вопросы философии и психологии», первого российского специального журнала, посвященного психологической проблематике. Шпет становится учеником Челпанова, принимая активное участие в работе его психологического семинара. Его дипломная работа «Проблема причинности у Канта и Юма» была отмечена как одна из лучших. По окончании университета в 1905 году его оставляют в университете при кафедре для подготовки к профессорскому званию.

После переезда Челпанова в Москву Шпет по его приглашению в 1907 году также перебирается в этот город. Он преподает на Высших женских курсах, а с 1909 года – в университете Шанявского. В

1910 году он сдает магистерский экзамен и становится приват-доцентом Московского университета.

Расширяется и круг его научных интересов, что впоследствии привело к повороту от экспериментальной психологии, которой он начал заниматься в Киеве под влиянием Челпанова, к философии, эстетике, лингвистике, что и определило круг его научных интересов в последние годы жизни. Этот переход произошел не только из-за сближения с Гуссерлем во время его заграничных командировок, но и под влиянием московских психологов, прежде всего Лопатина и его окружения, составившего основу журнала «Вопросы философии и психологии», и кружка Московского психологического общества, куда Шпет благодаря Челпанову вошел сразу по приезде в Москву. Он сразу же начал активную работу в Психологическом обществе, посещал практически все его заседания и уже в конце 1907 г. по рекомендации Челпанова и Трубецкого был избран действительными членами Московского психологического общества. В течение почти 10 лет (до закрытия общества в 1918 г.) он неоднократно выступал на его заседаниях с рефератами (в частности, именно там им впервые были сделаны доклады о творчестве Гуссерля, о психологическом наследии Юркевича), участвовал в диспутах и юбилейных сборниках, в том числе в сборнике, посвященном 30-летию творческой деятельности Лопатина.

Вместе с Челпановым и Лопатиным он вел большую работу по подготовке психологического съезда, который так и не состоялся в то время (1914–1915) в связи с началом Первой мировой войны. Научные дискуссии, которые велись в Психологическом обществе, показали Шпету, что он не одинок в своей неудовлетворенности теорией психологизма и экспериментальной психологией, которые, с точки зрения Лопатина, и других ученых, не могли существовать без философской методологической основы. В заседаниях Московского психологического общества, так же как и в работе редколлегии журнала, участвовали не только философы и психологи, но и историки, лингвисты, искусствоведы. Таким образом, еще в 10-х гг. Шпет убедился в значении межпредметных связей, которые позже станут одной из основ организации деятельности ГАХН.

В 1910–1913 годах он находится в заграничной командировке. В эти годы Шпет стажировался в нескольких университетах – Берлинском, Эдинбургском, Парижском, но главным образом в Геттингенском, работа в котором приводит Шпета к философии Гуссерля, идеи которого были ему близки, хотя он никогда и не был его последователем в полном смысле слова. Он становится одним из его наиболее любимых учеников, знакомит русских читателей с концепцией Гуссерля, публикуя в 1914 году работу «Явление и смысл», посвященную феноменологии.

По возвращении в Россию Шпет подготавливает и в 1916 году защищает диссертацию «История как проблема логики». В этом же году был избран профессором Высших женских курсов и доцентом университета, а с 1918 года и профессором Московского университета. Работа в Московском университете, публикация научных трудов сделали его заметной фигурой в российской науке.

Его активная и плодотворная деятельность в течение некоторого времени сохраняется и после революции, он читал несколько курсов лекций в университете (психологии, философии, логики), организовал в 1920 г. первый в России кабинет этнической психологии, который скоро стал крупным научным центром. Туда направлялись отчеты о различных этнографических и этнопсихологических экспедициях, анализ которых ложился в основу подготовки программы этнопсихологических исследований народов Сибири, Средней Азии, Закавказья.

Однако уже в 1921 г. его отстранили от работы в Московском университете, так же как и его учителя Челпанова и многих других известных ученых, не придерживавшихся марксистской ориентации. Тем не менее ему удалось организовать Институт научной философии при Московском университете, директором которого он стал в 1921 г. В этом же году он был избран действительным членом РАХН (позднее — ГАХН), в которой состоял до 1930 г., являясь сначала председателем философского отделения, а затем и руководителем финансовой части и вице-президентом академии (с конца 1924 г.). Должность вице-президента была выборной, и за Шпета проголосовали практически единогласно. В эти годы он создал свои, может быть, наиболее значительные психологические и философские работы, в том числе «Введение в этническую психологию» и «Внутренняя форма слова». В это же время он начал разрабатывать основы философии искусства, опубликовал несколько статей по этой проблеме. Как вице-президент академии и председатель философской секции, он, определяя направления научной работы, стремился совместить труды нескольких секций, завязав новые

межпредметные связи. В своих программных докладах в академии «Границы научного литературоведения» и «Искусство как вид знания» он доказывал, что будущее не только искусства, но и науки (в том числе и философии, и психологии, и эстетики) — в межкультурном взаимодействии, на базе которого и будет сформировано новое понимание, новое качество и науки, и культуры, и жизни.

Постепенно расширялся круг общения Шпета в Москве. Если сначала это были, прежде всего, представители науки — психологи, философы, историки, которые входили в редакцию журнала «Вопросы философии и психологии», то со временем кроме коллег по Психологическому обществу (Челпанов, Экземплярские) и ближайших учеников Шпета (Жинкин, Волков, Губер, Цирес) в него входят артисты, художники, писатели и критики. Этот круг окончательно сложился с переходом в ГАХН, в которой работали друзья и единомышленники Шпета – Габричевский, Шапошников, Лямин, Мориц. Работа в ГАХН изменила и научные приоритеты Шпета, так как его интерес к языку, внутренней форме слова переплелся с исследованиями поэтической внутренней формы как слова, так и художественного произведения в целом, приводя к мысли о важности изучения искусства как особого вида знания.

Общение с Таировым, Коонен, Мейерхольдом, Станиславским укреплялось в совместной творческой деятельности. Шпет в это время принимал участие в постановках Мейерхольда и Таирова, в работе журнала Камерного театра. Несколько лет он был также членом художественного совета МХАТа, а с 1932 года – профессором Академии высшего актерского мастерства. Станиславский одним из первых помог Шпету после его исключения из ГАХН. Актеры Художественного театра Качалов, Москвин, Книппер-Чехова и другие не отвернулись от семьи Шпета после его ареста и ссылки и, пользуясь своими званиями, старались помочь ей. Чтобы облегчить положение Шпета в ссылке, они добивались перевода его из Енисейска в Томск и сохранения квартиры за Натальей Константиновной (они жили в одном актерском кооперативе в Брюсовом переулке).

Академия художественных наук, так же как и сама возможность спокойно работать над интересными научными проблемами, просуществовала недолго, уже в 1929 году ГАХН закрывают, а Шпет, как и многие другие профессиональные психологи, остается без работы.

При «чистке» ГАХН Шпет был обвинен в том, что он держал в академии «бывших» людей (Челпановых, Шапошникова, Экземплярских, Габричевского и других известных ученых, искусствоведов, художников), проводил идеологически не выдержанную работу и осуществлял намеченную цель – создание из ГАХН «крепкой цитадели идеализма» [Шпет, 2007]. Ему запретили впредь занимать руководящие должности и вести идеологическую работу, хотя сочли возможным использовать его знание иностранных языков для работы над переводами, но при «обеспечении надлежащего идеологического руководства», однако и эту работу он получил не сразу. После многих ходатайств ему разрешили переводить художественную литературу (Шпет владел 17 языками), и в течение нескольких лет он занимался преимущественно переводами. Он переводил английских писателей – Байрона, Диккенса, Шекспира, а также философские произведения, в частности «Феноменологию духа» Гегеля, которая вышла впоследствии без указания фамилии переводчика. В это же время он начал работу над комментариями к «Пиквикскому клубу» Диккенса, которые составили целый том зарисовок английской жизни, английского характера и явились своеобразной иллюстрацией взглядов Шпета как на проблему психологии творчества (так как он пытался понять природу творчества Диккенса), так и на проблему национального самосознания (так как в ней описывается история Англии, культура и обычаи, так же как и их значение для представителей разных социальных групп).

В 1935 году его арестовывают и после недолгого заключения высылают сначала в Енисейск, а потом в Томск, где он и был арестован вторично и расстрелян в 1937 году.

После закрытия ГАХН распалась и школа, которую начал создавать Шпет в рамках этой академии. К 25-летию его научной деятельности (1925) его ученики А.Ахманов, Н.Волков, А.Зак, Н.Жинкин, А.Цирес преподнесли ему альбом, названный ими «Квартет», со своими философскими произведениями, посвященными учителю. Уровень этих работ и докладов, сделанных на заседаниях философского отделения ГАХН, показывает высокую эрудицию, нетрадиционность подходов в разработке проблемы философии искусства, а также потенциальные возможности этой школы, оставшиеся нереализованными. Жинкин переключился на занятия психологией, его двоюродный брат

Волков писал картины и преподавал где-то высшую математику, а также занимался психологией зрительного восприятия. А Губер стал искусствоведом, много лет работал главным хранителем в Музее изобразительных искусств имени Пушкина, организовывал, например, знаменитую послевоенную выставку произведений Дрезденской галереи.

Общение со Шпетом, работа под его руководством оставались значимыми для них всю жизнь. После его ареста традиционными стали ежегодные встречи родных и друзей в дни рождения Шпета. Сначала эти встречи происходили в доме у Натальи Константиновны, потом у Леноры Густавовны, а после ее смерти — у Татьяны Густавовны, доказывая, что, пока жива память о человеке, жив и он.

Творчество Шпета с самого начала отличало стремление к созданию универсальных научных методологических принципов, объясняющих данные не только гуманитарных, но и естественных наук. Именно это стремление привело его впоследствии к герменевтике, основы которой в отечественную науку были введены именно Шпетом. Эта позиция сближает его с концепцией Лейбница, который также стремился найти тот универсальный кирпичик (монаду), который даст возможность понять строение и законы окружающей действительности – от космоса до души человека. Поиски позиции, которая давала бы возможность совместить универсальность с реальной жизнью, логику с эмпирическими наблюдениями, и привлекала Шпета к психологии, которую он рассматривал как эмпирическую, связанную с жизнью науку, построенную на основе философских теорий.

Поиски объективных методологических законов, которые могли бы стать основой психологии, привели Шпета к логике, в которой он стремился найти универсальные законы понимания мира. Большое значение для формирования объективной психологии имело, с точки зрения Шпета, изучение истории психологической науки. Первая попытка дать исторический обзор развития гуманитарных наук в России (прежде всего психологии и философии) была предпринята Шпетом еще в десятых годах в его незаконченных работах по психологической и философской антропологии. Впоследствии он возвращается к этой проблеме в своей «Хрестоматии по истории психологии» (1917) и в «Очерке развития русской философии» (1922).

Шпет придавал большое значение изданию «Хрестоматии по истории психологии», для работы над которой он привлекает многих ведущих психологов того времени – Лосского, Блонского, Экземплярского и других. Предполагалось издание нескольких томов хрестоматии, посвященных отдельным периодам развития психологии – времен Античности, Средневековья, Нового времени. В предисловии к первому тому этого издания, которое, к сожалению, так и не было осуществлено, он писал, что для формирования психологии как методически оформленной «внутренне согласованной системы» необходимо отдать себе отчет в том, каким путем шла наука, и подвести итог тому, что было сделано предшественниками, что остается ценным и на настоящее время. В этой работе Шпет также пишет о том, что методология по-прежнему остается одним из центральных вопросов психологической науки, подчеркивая, что анализ истории психологических знаний поможет разрешить и вопрос о связи психологии с философией (которая остается ее методологией с точки зрения Шпета) и со смежными науками «об эмпирической природе» человека [Шпет, 2007].

Изучая историю развития русской психологии и философии, Шпет пытался определить специфику их пути, анализируя развитие прежде всего двух, с его точки зрения основных, проблем – проблемы логики и проблемы морали, причем значение первой из них связано с ее ролью в качестве методологической основы науки, в то время как проблема морали связана со спецификой именно русской науки. В своей работе «Очерк развития русской философии» Шпет обращает внимание главным образом на причину появления и характер тех качеств, которые отличают отечественную науку, выделяя ее достоинства и недостатки. При этом среди несомненных достоинств отмечаются не только антропологизм и духовность русской науки, но и ее социальность, стремление решить такие важные проблемы, как взаимосвязь власти, интеллигенции и народа, роль культуры в формировании национальной психологии. Шпет доказывал, что именно социальные, исторические факторы определяют главным образом и особенности отечественной науки, и особенности отечественной интеллигенции, причем им было дано одно из самых блестящих описаний психологических причин образования феномена «русской интеллигенции», в развитии которой он выделил три этапа – духовный, правительственный и оппозиционный.

Исследования Шпета привели его к мысли о том, что в русской науке интересы ученых фокусируются на этической проблематике, причем не столько на вопросе о генезисе нравственности, сколько на исследованиях тех переживаний, эмоций, которые связаны с нравственными проблемами. Таким образом речь идет о социальных эмоциях, которые были в центре внимания не только отечественных ученых, но и художников. Это дает возможность Шпету включить в главу, посвященную отечественным концепциям морального развития, не только подходы Грота, Соловьева, Трубецких, Петражицкого, но и Л.Толстого. Свое исследование Шпет хотел довести до начала века, дав анализ и современных ему концепций, в том числе Блонского, Лопатина, Введенского и других. Большой интерес представляют и наброски главы, посвященной творчеству В.Соловьева, в которой Шпет анализирует взаимосвязь между рационализмом и мистицизмом. Значение этой главы не только в том, что в ней сопоставляются два противоположных, особенно для Шпета, подхода к познанию, но и в том, что в ней он предполагал показать специфически русский путь построения положительной науки, которая объективное, надындивидуальное ищет не в логике, как западная, но в мистических откровениях, которые, по мнению Соловьева, могут быть проверены впоследствии и логикой. К сожалению, эта работа Шпета осталась незаконченной (опубликована была лишь только первая часть очерка), однако анализ незаконченных набросков, которые сохранились в его архиве, дает нам возможность сделать вывод о том, что в основе ее лежит прежде всего исследование тех социальных причин, которые сформировали отечественную науку, определили ее самобытность, причем постепенно в число важнейших условий, определяющих эту самобытность, стал входить и язык.

К этому времени Шпет приходит к окончательному выводу о том, что метод, который необходимо применить для анализа полученных фактов, не только исторических, но и психологических, – это логика, так как экспериментальная психология может исследовать особенности духовной жизни отдельного человека, но не может выйти за пределы индивидуального опыта. Таким образом, Шпет, как в свое время Д.-С.Милль, а впоследствии Ж.Пиаже, ставит логику в основание психологии в уверенности, что общие закономерности психического развития могут быть выведены только при помощи надындивидуального, объективного метода.

Стремление Шпета к использованию логических оснований в психологии было связано и с тем, что он стремился при помощи логики не только соединить индивидуальный опыт с общечеловеческими, надындивидуальными знаниями, но и связать сенсуализм, который он не считал возможным принять в качестве универсального метода познания психики, так как считал, что никакое, даже построенное по законам логики, обобщение не даст возможности вывести общие законы ее поступательного развития (так же как законы развития истории, социального бытия вообще), и рационализм, который также, по мнению Шпета, не мог быть универсальным методом для психологии, так как знание реальной жизни, эмпирический опыт Шпет считал необходимым для формирования первоначальных знаний о психике.

Это стремление к формированию общих для всех наук (как естественных, так и гуманитарных) методологических принципов и приводит Шпета к мысли о необходимости пересмотра основных положений современных ему научных теорий, что и сделано им с присущей ему эрудицией и чувством юмора. Так, в частности, его острое критическое чутье, умение увидеть скрытые противоречия в теоретических построениях других ученых дало ему возможность одним из первых увидеть глубину того кризиса, в который вступала психология в начале века. Критический анализ существующих на тот период времени научных концепций предварял практически каждую крупную работу Шпета, что и дало возможность некоторым исследователям говорить о том, что Шпет сильнее в критике, чем в создании собственных систем. Это отчасти верно, так как собственные позиции им были сформулированы только частично к концу его творческой деятельности, причем у него фактически не было возможности довести до логического конца свои размышления, хотя основные положения его концепции были им развиты в его последних работах.

Однако постепенно он приходит к выводу, что логика не может быть единственным, универсальным методом для исследования психологии социального бытия, которое он считает главным предметом своего творчества. Это приводит его к идее о том, что изучение культуры человечества, его социального развития может строиться на основе анализа языка [Шпет, 2007]. В принципе это был не новый подход, предложенный еще Гумбольдтом, Потебней, Вундтом. Однако Шпет вносит в него принципиально новые положения, рассматривая язык как один из важнейших методов изучения личности человека, его эмоций и социального окружения, его культуры.

Шпет считал язык выражением души, но выражением сверхличным, откristаллизованным и потому объективным. При этом исследование языка может являться предметом не только психологии (как индивидуальной, так и этнической), но и философии, языкознания, эстетики и других наук. Таким образом, Шпет приходит к выводу о том, что язык, как и логика, должен стать универсальным методом исследования большинства наук, не только гуманитарных, но и естественных, так как он дает возможность открыть законы объяснения и понимания мира [Шпет, 2007]. Преимущество языка перед логикой, которое отмечает Шпет, состоит в том, что язык не оставляет в стороне социальные причины, бытие людей, как это происходит с логикой, а потому и расширяет рамки познания, давая возможность понять не только внешнюю динамику, но и причины появления определенных событий, действий людей. При этом, с точки зрения психолога, как раз не объективное, но субъективное в языке должно стать предметом исследования, а именно связь языка с эмоциями, переживаниями людей. Шпет подчеркивает, что для психолога язык есть прежде всего идея, энергия, которая определяет отношение человека к окружающему миру и его законам. То же толкование приложимо к языку как выражению национальной психологии, то есть язык нации (так же как язык всякого более или менее устойчивого социального образования – класса, профессиональной группы) формируется при определенных условиях и выражает отношение данной группы к этим условиям и предметам [Шпет, 2005].

Такое отношение к психологии языка противопоставляется Шпетом философии языка, которая есть, с его точки зрения, исследование языкового сознания, ориентированное на анализ единого культурного сознания. Он пишет о том, что такие проявления культурного сознания, как искусство, наука, право – «не новые принципы, а модификации и формы единого культурного сознания, имеющие в языке архетип и начало. Философия языка есть в этом смысле принципиальная основа философии культуры». Такая позиция и привела в дальнейшем Шпета к проблемам искусства, изучение которого, как и других проявлений языка, даст возможность понять окружающий мир, его законы.

К двадцатым годам проблема языка в его соотношении с мышлением, самосознанием и социальным окружением субъекта становится важнейшей в творчестве Шпета. Развивая тенденции, заложенные известным отечественным лингвистом А.А.Потебней, Шпет приходил к выводу о необходимости анализа внутренней формы слова, так как именно она является тем главным механизмом, который лежит в основе присвоения и интериоризации культуры, то есть в основе формирования сознания – как индивидуального, так и сознания народа.

Исследование языка как одного из основных методов понимания психологии социального бытия и является стержнем книги Шпета «Внутренняя форма слова» [Шпет, 2007]. Говоря о неразрывной связи между внешней, звуковой, и внутренней, смысловой, формами языка, он подчеркивает, что «выражение и смысл в конкретной реальности своего языкового бытия составляют не только неразрывное структурное единство, но и в себе тождественное бытие социально-культурного типа». И в этом плане возможно создание языка, основанного только на законах логики, так же как и чисто логический анализ существующего языка, но такой язык недостаточен для речи поэтической, экспрессивной, которая связана не только с логикой построения слова, но и с социальными условиями его возникновения. Поэтому Шпет выделяет как бы два вида внутренней формы – логическую и поэтическую. Логические формы могут быть названы понятиями, но в этом случае, подчеркивает Шпет, необходимо различать в самом понятии его логическую концептивную форму от смыслового, концептируемого содержания [Шпет, 2007]. То есть можно говорить о том, что внутренняя форма слова как таковая имеет динамический характер и именно она является той энергией, которая помогает раскрыть содержание смысла понятия при его словесной передаче, определяя законы диалектического движения к пределу полноты смысла. Эту диалектику Шпет называет «диалектикой реального или диалектикой реализуемого культурного смысла», и именно эта динамика, соединяющая и логическую, и поэтическую внутреннюю формы, передает как содержание понятия, так и его социальный смысл, помогает понять окружающий мир во всей его полноте и потому может быть названа герменевтической. Логическая внутренняя форма, которая есть закон образования данного понятия, стремится к исчерпанию смысла конкретного понятия, к тому, чтобы объяснить все возможные способы его употребления, в то время как поэтическая внутренняя форма стремится к извлечению смысла из объективных связей и к «включению его в другие связи, более или менее произвольные, подчиненные не логике, но фантазии». Поэтому внутренние поэтические формы не могут существовать без логических, но не исчерпываются ими, так же как и звуковым оформлением.

Но, используя их, эти формы передают самую суть действительности, ее самобытность, чего не могут сделать ни логическое понятие, ни стилистическое, звуковое оформление. Таким образом, слово без символа, без отношения, стоящего за ним, мертво (по крайней мере для психолога, искусствоведа, для любого исследователя социального бытия), но и один символ, как бы ни был он стилистически совершенно оформлен, не может передать все содержание слова, его внутреннюю форму.

Эта позиция позднее проявилась и в анализе искусства – как поэзии, так и живописи и театра, в котором Шпет отвергал голый натурализм, подчеркивая необходимость второго плана, символики. Но эта символика должна быть внутренне связана с идеей, с логической внутренней формой, а не просто красивым оформлением пустоты. С точки зрения психологии это внутреннее отношение, переживание субъекта при передаче словесного выражения имеет первоочередное значение, так как оно открывает интенцию субъекта, его намерение, его эмоциональное состояние в момент образования слова и его передачи, причем это положение относится как к индивидуальной психологии, так и к психологии народа [Марцинковская, 1997]. Важное значение для психологии имеет и чувство языка, которое есть свойство не слова, но субъекта, говорящего, а потому связано с его переживанием, которое обнаруживается в социальном бытии человека и может быть эмпирически исследовано психологией. На основании этих данных и может строиться психология языка, так же как и индивидуальная психология субъекта.

Говоря о том, что поэтическая внутренняя форма слова не является абсолютно оторванной от действительности, но, наоборот, позволяет глубже проникнуть в суть реальной жизни, Шпет вводит понятие идеала, который как раз и сдерживает фантазию, связывая ее с действительностью. Он пишет, что идеал предугадывает соответствующий закон и правило, формирующее форму [Шпет, 2007], то есть из него исходят правила творчества и содержание действительности, так как он никогда не может полностью оторваться от реальной жизни, но только преобразует ее. Связь художественного произведения с идеалами позволяет отрешиться от мелочей, от второстепенного, а потому внутренняя поэтическая форма также дает возможность обобщения, как и логическая, только по другим правилам. Это введение идеала, в том числе и прежде всего нравственного идеала, дает возможность объяснить роль искусства в этическом развитии человека, связывает позиции Шпета в этом вопросе с позицией русской науки, ориентированной на нравственность, на идеалы, передаваемые не только в научных трудах, но и в художественных произведениях.

Понимание двойной детерминации динамики языка, двух видов внутренних форм дает, с точки зрения Шпета, ключ и к пониманию, анализу искусства, которое, как всякое социальное явление, имеет свои внутренние логические внутренние формы. Однако оно имеет и другие цели, которые и образуют вторую систему внутренних форм – художественно-поэтических. Таким образом, на основе анализа языка может быть разработана единая методология, которая, будучи философией языка, является одновременно и основой разработки философии культуры, философии, психологии, других наук. К сожалению, эти концепции Шпета, появившиеся в конце его активного научного творчества, представлены только в детальных набросках и не были достаточно разработаны. Поэтому можно говорить только о его подходах к такой философии, а не о разработке ее основы, программы исследования.

Исследование внутренней формы слова, с точки зрения Шпета, было одним из вернейших способов проникновения в проблему духовности – как индивидуальной, так и коллективной, эмбрионом которой как раз и является внутренняя форма. Зачарованность внутренним духовным миром, стремление понять этот мир делают именно эти проблемы центральными для творчества Шпета, причем реальные, материальные предметы рассматриваются именно в свете их культурного значения, их роли в формировании внутреннего мира человека.

Анализируя роль языка в исследовании социального бытия, Шпет писал о том, что язык – орудие труда и творчества человека, является в то же время и знаком определенного социума. То есть человечество в процессе своего развития создает новый мир, социально-культурный, существующий помимо мира природного и отгораживающий человека от природы. Однако при этом и сам человек превращается в социально-культурного субъекта, и его рефлексии из чисто биологических актов трансформируются в поведение, имеющее определенный социальный смысл. Таким образом, социальное бытие человека превращает его самого в социальную личность, поведение которой – это определенный знак для других людей и, одновременно, знак для него самого. И одним из важнейших

знаков как раз и является речь, анализ внутренней формы которой дает возможность понять как индивидуальный мир человека, так и коллективный внутренний мир группы людей, народа, его искусство.

Таким образом, Шпет приходит к выводу о том, что сознание индивида носит культурно-исторический характер, важнейшим элементом которого является слово, открывающееся нам не только при восприятии предмета, но и, главным образом, при усвоении его в виде знака, интерпретация которого производится индивидом в процессе социального общения. Это и дает ему возможность исследование речи положить в основу этнопсихологии. Во «Введении в этнопсихологию» Шпет доказывал, что предмет этой науки раскрывается через расшифровку и интерпретацию системы знаков, составляющих содержание коллективного сознания данной нации. Критикуя позицию Вундта, который полагал возможным исследовать психологию народа через изучение языка, мифов или религии, Шпет подчеркивал, что продукты культуры (например, язык или мифы) не являются сами по себе психологическими продуктами. Он пишет о том, что применение и исследование культурных явлений в качестве медиаторов, опосредующих психическое развитие человека, не вызывают никаких сомнений, но их изучение в виде результатов работы народного духа не так однозначно и требует определенных ограничений [Шпет, 2005]. Хотя любое явление культурной и социальной жизни может рассматриваться как необходимое осуществление законов этой жизни, выражение априорно данной закономерности (например, законы построения понятия во внутренней логической форме слова), но ошибка и Вундта, и Лацаруса, и Штейнтала в том, что на такую объективацию они смотрят как на осуществление идеи, поэтому для них продукт культуры одновременно и всецело является и психологическим продуктом. Но в действительности осуществление идеи объективно и здесь нет психологии, поэтому, как справедливо отмечает Шпет, психологические закономерности в законы развития культуры вносятся только людьми, без деятельности которых невозможно осуществление никакой идеи.

Каждая группа людей в определенную историческую эпоху, так же как и каждый этнос, по-своему воспринимают, воображают и оценивают окружающую действительность, и именно в этом отношении народа к объективному, и в частности к продуктам труда и творчества (культуре), и выражается душа этой общности. Поэтому можно сказать, что одним из главных компонентов народной души является не общность понятий или волевых усилий, но общность эмоциональных переживаний, отношений. Их психологическая составляющая появляется благодаря субъективной их интерпретации, поэтому «культурное является объективно, но существующее сознательное и бессознательное отношение к нему, его со-значение, переживание его значения и является предметом психологии».

В этой работе Шпет совершенно по-новому подходит к роли эмоций, считая их одним из важнейших инструментов в процессе присвоения культуры. При этом сами продукты культурного развития являются медиаторами в процессе социализации человека, регулируемого развитием типичных для данного этноса переживаниями, которые и составляют главные элементы национального самосознания [Марцинковская, 1997]. Исследование того, как определенный исторический факт или названное значение переживаются субъектом или этносом в данный конкретный момент, помогает понять не только содержание национального сознания, но и саму историческую ситуацию, складывающуюся в данный момент в обществе. Поэтому подход, разрабатываемый Шпетом, открывал возможность новых путей развития не только для этнопсихологии, но и для социальной и индивидуальной психологии [Стефаненко, 2007].

Говоря о том, что национальное самосознание является особым переживанием, в основе которого лежит «присвоение себе известных исторических и социальных событий и взаимоотношений и противопоставление их другим народам», Шпет подчеркивал его субъективность и изменчивость, объясняющие как динамику развития самого народа, так и его отношения к другим этносам. Фактически он одним из первых заговорил и о проблеме самоидентификации, одной из важнейших в современной психологической науке, причем опять-таки совершенно по-новому сопоставив процессы национальной и индивидуальной идентификации.

Он писал о том, что духовный мир человека определяется во многом прошлым его народа, и в этом он был близок к позиции Юнга, который говорил о роли архетипов и коллективного бессознательного в развитии человека. Однако Шпет в отличие от Юнга доказывал, что хотя такая национальная

идентификация и не произвольна, но определяется той культурой, в которой воспитывался человек, языком и традициями, которые для него являются родными и близкими, однако не эти объективные связи, но субъективные переживания определяют процесс отнесения себя к данному этносу. Кроме того, для Юнга важнее понять, из чего состоит это цельный, идеальный тип эпохи или народа, в то время как для Шпета важнее понять, каким образом он стал таким, как изменились переживания людей в зависимости от времени и места проживания. Анализируя эту динамику, он приходит к выводу, что она складывается из присвоения известных исторических и социальных взаимоотношений и противопоставления их другим народам. Это присвоение происходит прежде всего в эстетической деятельности, так как наиболее ярко психология народа сказывается в его отношении к им же созданным духовным ценностям. При этом сначала данные знания являются нейтральными для ребенка, постепенно приобретая эмоциональную насыщенность.

Таким образом, именно эмоциональное принятие культуры народа определяет процесс отнесения себя к данному этносу. И потому при возникновении отвержения субъект может «переменить» свой народ, «войти в состав и дух другого народа», однако этот процесс требует длительного и упорного труда и времени, так как в том случае, если происходит только внешнее усвоение нового языка, культуры или норм поведения, человек остается маргиналом, который, отойдя от одного этноса, не стал и членом другого, так как для полной идентификации себя с новым этносом необходимо эмоциональное принятие тех объективных элементов, которые составляют содержание национального самосознания. Эти идеи Шпета находят отражение в современных работах, рассматривающих этапы социализации людей, перехода из одной культуры, одного народа в другой.

Шпет считал язык не только основой национального самосознания, но и значимой образующей в развитии национальной науки. Так, говоря о русской психологии, и особенно философии, он объясняет их отставание тем, что при принятии христианства Россия в отличие от Западной Европы приняла христианскую культуру не на языке оригинала – латинском, но на болгарском. Говоря о фатальном значении этого факта, Шпет считает, что усвоение языка народа, «лишенного культурных традиций, литературы, истории», лишил Россию наследия Византии, так же как и возможности пережить Возрождение, которое дало мощный стимул для культурного и научного развития Западной Европе. Таким образом, принятие языка во многом определило, по мнению Шпета, исторический путь развития России, явилось причиной того «невегласия», низкого образовательного уровня, которые повлияли на уровень развития отечественной науки. Он писал о том, что «не природная тупость русского, не отсутствие живых творческих сил, а исключительно невежество не позволяло русскому духу углубить в себе до всеобщего сознания европейскую философскую рефлексию» [Шпет, 2005].

В еще большей степени, чем развитие науки, слово, по мнению Шпета, определяет развитие искусства. Интерес к эстетике связан как с общими тенденциями в развитии научного мировоззрения Шпета, так и с его работой в ГАХН. Наибольший интерес в этом плане представляет, несомненно, прочитанный им в 1926 году в философской секции ГАХН доклад «Искусство как вид знания», который должен был быть опубликован отдельной брошюрой, для чего был позднее им переработан в виде этюда [Шпет, 2007]. К сожалению, эта работа так и не была доведена до конца, хотя план и наброски этого этюда и сохранились в черновиках. Некоторые положения этого доклада развивались и в других работах Шпета, прежде всего в очерке «Проблемы современной эстетики», в книге «Внутренняя форма слова» и других.

Он считал, что искусство является специфическим видом знания, особенности которого связаны с его эмоциональной первичностью, симпатическим пониманием, которое вызывается художественным произведением. Эмоциональная первичность, переживания, связанные с искусством, дают возможность соединить в нем саму вещь (или представление о ней) с суждением об этой вещи, то есть искусство является симпатической презентацией, которая дает особый род познания – всматривание в суть вещи, понимание ее субъективности, которое предполагает и объективное познание. Так, понимание вкуса сахара предполагает наличие у человека понятий «сладко-горько», «сахар-соль» и т.д., а понимание страха смерти – таких понятий, как страх и смерть. Однако передача в искусстве определенного переживания дает возможность сформировать новое понятие, которое не является чисто абстрактным, но насыщено эмоцией. Отличие искусства от логического, объективного знания в том, что его предмет не имеет реального существования, но является только знаком, при этом оно абсолютно эмпирично, то есть дается только из личного опыта и субъективно. Таким

образом, к познаваемому безусловному субъекту искусства человек приходит при помощи творческого «сопереживания, сочувствия, опирающегося на внешние экспрессивные формы произведения».

Связывая понимание искусства с понятием внутренней формы, Шпет подчеркивает, что внутренняя форма художественного произведения является отражением приемов, методов, творческого пути художника. Она является источником знания, но знания субъективного, так как в нее вносятся жизненные идеалы, ценности данного творца. Поэтому внутренняя форма передает не абстрактное знание, но мировоззрение творца, которое вызывает соответствующие переживания у зрителей [Марцинковская, 1996]. Воспитательная ценность искусства, о которой Шпет писал еще во «Введении в этнопсихологию», в том, что эти переживания бессознательные и потому вызывают эмоции слушателей тогда, когда разум мог бы отвергнуть данные идеалы. Мировоззрением же внутренняя форма становится только в результате философской рефлексии, как правило, осуществляемой не слушателями, но учеными, критиками, которые дают научное обоснование субъективной фантазии, переживанию творца, переводя искусство в ранг понятий и тем самым изменяя его природу.

Однако ценность искусства как такового именно в том, что при помощи внутренней формы слушатель как бы соединяется с творцом, непосредственно соприкасается с ним, утверждая и свое, и его бытие через «сочувствие», сердечное единение и творческое сопереживание. Таким образом, в отличие от Потебни, настаивавшего на том, что внутренняя форма выражает переживания художника, которые слушатель понимает по-своему, так как, хотя говорящий и слушающий совершают одну и ту же работу, но эмоции, вызываемые ею, могут быть разными, Шпет подчеркивает, что искусство вызывает именно общие эмоции, то есть внутренняя форма не заставляет повторять творческий процесс, но эмоционально заражает состоянием художника его слушателей. Это эмоциональное заражение и заставляет зрителей отождествлять творца с его произведениями, так как образ, полученный в результате чтения, слушания музыки, разглядывания картины или игры на сцене, не рефлексивируется зрителями, не осознается ими. Поэтому у зрителей и нет возможности дифференцировать позицию художника, выраженную в конкретном произведении, от его взглядов как реального человека. Этим феноменом можно объяснить факт, который отмечали многие поэты, художники, актеры (Пушкин, Гумилев, Блок, Коонен, Станиславский), жалуясь на то, что читатели, зрители все то, что пишет о себе поэт в стихах, немедленно относят к нему самому и осуждают или сочувствуют ему в его переживаниях, не веря, что они только придуманы. Это же, в еще большей степени, относится и к актерам, которые вызывают данные переживания не только при помощи текста, но и при помощи пластики, жеста, собственного тела, с которыми и сливается внутренняя форма и эмоциональное переживание, полученное от данного образа [Шпет, 2007].

Таким образом, с точки зрения Шпета, художественное произведение есть выражение самосознания творца, в котором он видит и познает сам себя, и в этом Шпет согласен с представителями психологии творчества, такими как Овсяннико-Куликовский, Горнфельд, Райнов. Отличие Шпета в том, что он утверждает, что мы входим в самосознание творца при восприятии его произведения, участвуем в нем, сочетаем свое самосознание с его в единстве «самочувства», то есть через эмоции осуществляется формирование единой самости творца и зрителя, а не просто снятие напряжения или формирование эмоции ритма, облегчающей входение в группу. Именно через эту общность мировоззрения искусство и становится знанием, но не самого творца, но того имиджа, которое он раскрывает в данном произведении. Поэтому искусство не является переводом, но является самостоятельным продуктом духовной жизни как творца или слушателя, так и народа в целом.

Искусство может помочь в формировании нового самосознания, так как, отдаваясь наслаждению, человек бессознательно и произвольно преображается, и у него формируется новое мировоззрение, новые идеалы. При этом формируется собственно культурное сознание человека, так как, сознавая и наслаждаясь культурным произведением, человек становится и осознает себя как культурное существо. Так вызываемые культурой «социальные эмоции» помогают социализации человека, регулируя процесс его входения в тот социум, который его окружает. Так Шпет опять возвращается к мысли, высказанной им во «Введении в этническую психологию», о том, что через особенности национальной культуры можно понять не только законы искусства, но и специфику национальной души, национальных эмоций, которые, отражаясь в культуре, показывают отношение народа к тем или иным нормам, эталонам. При этом искусство становится специфической формой психологического знания, а психология, которая помогает вскрыть и понять причину этих

особенностей, – методом искусствоведения, но не методологией, которая может быть только философской.

Продолжая эту тему в статье «Проблемы современной эстетики», Шпет пишет о том, что психология может дать эстетике необходимый метод для понимания того, что лежит за данным знаком, за предметом эстетики, в его отличии от реального вещественного предмета. В то же время методологией и психологии, и эстетики должна стать философия, которая бы показала, в каком контексте используются и понимаются полученные данные. Таким образом эстетика и психология как эмпирические науки дополняют друг друга, давая возможность обогатить полученные данные, в то время как философия объясняет эти данные.

Возвращаясь к проблеме духовности, разработка которой была начата им еще во «Внутренней форме слова», Шпет подчеркивает, что духовность в большей степени отражает реальность и реальное состояние мира, чем сам мир, быт, так как в ней закодировано отношение людей к этому миру, «овнешненное» в предметах культуры – картинах, архитектуре, музыке, и, особенно, языке. Именно поэтому культура и связана с психологией, но не своими объективными выражениями, а своей субъективной частью. Шпет подчеркивает, что искусство есть знак, который отражает суть конкретного предмета в данной культуре, то есть знак, передающий отношение людей данной культуры к определенному предмету или норме. Отвлекаясь от культуры, мы получаем просто вещественный предмет, пишет он, приводя в пример письма Толстого, которые для людей другой культуры могут быть просто средством для растопки, так же как любой другой кусок бумаги, но в нашей культуре являются носителями духовности, этических заповедей. Таким образом, подчеркивает он, искусство есть орудие, которое указывает на особый смысл, функцию данного предмета, это «знаки, самодовлеющего бытия не имеющие, но указующие на таковое и через это приобретающие собственное значение». Таким образом, Шпет приходит к мысли о том, что искусство, как и речь, может быть методом исследования психических особенностей человека, причем тех его духовных качеств, которые определяются и проявляются в социальном контексте.

Несмотря на то что Шпет не успел осуществить многие из своих научных замыслов, он явился заметной фигурой в отечественной психологии начала века. Многие его открытия не нашли еще своего места в современной науке, прежде всего важнейшее положение Шпета о межкультурных связях. Методология, которую он разрабатывал (хотя, к сожалению, и не довел до конца эту работу), предполагала исследование социального бытия в виде системы, в которой живет и развивается человек, а потому соединяла в единое целое науку, искусство и природу. В то же время его концепция межпредметных связей (прежде всего между гуманитарными и естественными науками) приобретает сейчас все большее значение. Несомненно и то, что многие исследования и в психолингвистике, и в области этнопсихологии (в том числе исследование социальных эмоций, аккультурации) в настоящее время испытывают сильнейшее влияние идей, выдвинутых Шпетом.

Литература

Марцинковская Т.Д. Вступительная статья к тезисам Г.Г.Шпета «Искусство как вид знания» // Декоративное искусство. 1996. N 3.

Марцинковская Т.Д. Проблема этнических эмоций в работах ученых ГАХН // Вопросы искусствознания. 1997. N 3.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2007.

Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Философско-психологические труды. М.: Наука, 2005. С. 3–72.

Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Философско-психологические труды. М.: Наука, 2005. С. 73–307.

Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова // Философия и психология культуры. М.: Наука, 2007. С. 3–144.

Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // *Философия и психология культуры*. М.: Наука, 2007. С. 145–273.

Шпет Г.Г. Дифференциация постановки театрального представления // *Философия и психология культуры* М.: Наука, 2007. С. 425–427.

Шпет Г.Г. Искусство как вид знания // *Философия и психология культуры*. М.: Наука, 2007. С. 427–431.

Шпет Г.Г. Материалы рукописного отдела РГБ. Ф. 718. 2007.

Шпет Г.Г. Театр как искусство // *Философия и психология культуры*. М.: Наука, 2007. С. 394–411.

Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // *Философия и психология культуры*. М.: Наука, 2007. С. 274–365.

Дата публикации 16 апреля 2009 г.

[Сведения об авторе](#)

Марцинковская Татьяна Давидовна. Доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: marsinkovskaya@psystudy.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Марцинковская Т.Д. Густав Густавович Шпет – жизнь как проблема творчества [Электронный ресурс] // *Психологические исследования: электрон. науч. журн.* 2009. N 2(4). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[К началу страницы >>](#)